

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2131](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2131)**Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев****ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФОТОМЭППИНГ:
ОБСУЖДЕНИЕ МЕТОДА****Правильная ссылка на статью:**

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Исследовательский фотомэппинг: обсуждение метода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 39—61. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2131>.

For citation:

Veselkova N. V., Pryanikova E. V., Vandyshev M. N. (2022) Research Photomapping: Discussing the Method. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 39–61. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2131>. (In Russ.)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФОТОМЭП- ПИНГ: ОБСУЖДЕНИЕ МЕТОДА

ВЕСЕЛКОВА Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

ПРЯМИКОВА Елена Викторовна — доктор социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: pryamikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6783-008X>

ВАНДЫШЕВ Михаил Николаевич — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: m.n.vandyshv@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9344-4185>

Аннотация. Фотографирование часто используется в социо-гуманитарных исследованиях, но далеко не всегда подвергается последовательному обсуждению. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы внести вклад в методическую рефлексию исследовательского фотографирования. Исследовательский фотомэппинг (ИФМ) представлен как возможность метода, исследовательская и культурная практика, предполагающая особую конвенцию, или пакт в смысле Ф. Лежёна. Свойства ИФМ раскрываются в сравнении с методами-соседями (среди которых проведено важное различие в зависимости от того, кто фотографирует): партисипатор-

RESEARCH PHOTOMAPPING: DISCUSS- ING THE METHOD

*Natalya V. VESELKOVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Associate Professor
E-MAIL: vesselkova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0855-8901>

*Elena V. PRYAMIKOVA*¹ — *Dr. Sci. (Soc.)*, Associate Professor
E-MAIL: pryamikova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6783-008X>

*Mikhail N. VANDYSHEV*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Associate Professor
E-MAIL: m.n.vandyshv@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9344-4185>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia Boris N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. Photography is often used in socio-humanitarian research, but is not always subject to consistent discussion. The purpose of this article is to contribute to the methodological reflection of research photography. Research photomapping (RPM) is presented as a possibility of method, as well as research and a cultural practice that presupposes a special convention, or pact in the sense of Ph. Lejeune. The properties of RPM are revealed in comparison with neighboring methods, among which an important distinction is made depending on who is photographing — participatory photomapping, visual diary, and more general categories — research photography and observation in the field.

ным фотомэппингом, визуальным дневником и более общими категориями — исследовательской фотографией и наблюдением в поле. Предложено определение ИФМ через совокупность методических принципов: фотографирование, которое производит исследователь как активный участник поля, без информантов или вместе с ними, в процессе полевых работ.

Опыт использования ИФМ рассматривается с точки зрения познавательных возможностей и ограничений метода. Выделены различные форматы взаимодействия исследователя и информанта в процессе фотографирования. Показано, как информант может побудить социолога запечатлеть тот или иной объект, как место на фотографии обрастает целой историей или провоцирует создание новой. В более широком плане обсуждению подвергается практика полевой работы, взаимодействия исследователей с информантами и друг с другом. Обозначенные проблемы ИФМ показывают сложность и перспективность как самой этой исследовательской практики, так и ее методической рефлексии.

Ключевые слова: исследовательская фотография, практики визуализации, мобильное интервью, коллективная память, Абезь, Инта, Котельнич

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

The definition of RPM through a set of methodological principles is proposed: photography, which is carried out by the researcher as an active participant in the field, without or together with informants, in the process of the fieldwork.

The experience of using RPM is considered from the point of view of the capabilities and limitations of the method. Various formats of interaction between the researcher and the informant in the process of photographing are highlighted. It is shown how an informant can induce a sociologist to capture a particular object, how a place in a photograph becomes overgrown with a whole story or provokes the creation of a new one. There is always a connection between photographing and storytelling, which is not always reflected. In a broader sense, the discussion deals with the practice of fieldwork, the interaction of researchers with informants and with each other. The outlined problems of the RPM show the complexity and promise of both this research practice itself and its methodological reflection.

Keywords: research photography, visualization practices, mobile interview, collective memory, Abez', Inta, Kotelnich,

Acknowledgments. The work on this article was funded by Russian Science Foundation, project No. 21-18-00418 “Small Town Museum: Multiple Cultures of Memory (Historical and Sociological Analysis)”.

Введение

На недавней конференции один из участников, историк, бурно отреагировал на упомянутый в нашем докладе исследовательский фототомэппинг: «Так вот, оказывается, чем я занимаюсь!» — не без иронии воскликнул он. Фотографирование и вправду стало настолько обыденным действием, что, даже будучи включенным в исследовательский процесс, не производит впечатления особого метода, еще и со столь мудреным названием. Мы предлагаем рассматривать исследовательский фототомэппинг (ИФМ) как конкретный метод, наиболее близкий практикам наблюдения — конечно, еще не готовый, «под ключ», скорее как абрис метода.

В более широком плане ИФМ представляет собой культурную практику, отсылающую к некоей общей социальной компетентности современного человека. Частью этой компетентности является «легкость», обыденность фотографирования с целью фиксации и коммуникации. Если лет 15 назад казалось удивительным, что ученик на уроке не стал списывать домашнее задание с доски, а просто снял его на смартфон¹, то сегодня фотографирование привычно заменяет ряд других действий. Вместо того, чтобы внести пометку в записную книжку или что-то рассказать на словах, мы можем «просто» сделать фото и переслать собеседнику. Технический уровень снимков часто уходит на второй план — они сохраняют функциональность и будучи смазанными, зернистыми и т. п. Повседневное использование (цифровых, мобильных) фотографий заслуживает отдельного обсуждения² — здесь лишь хотелось бы подчеркнуть рутинизацию фотографирования в различных областях жизни.

Фотографирование в ходе полевой работы кажется столь же «естественной» деятельностью и зачастую не выделяется в качестве отдельного метода. Думается, именно такое положение дел лежит в основе вывода о том, что в отечественной социологии применение фотографии «за редчайшим исключением», по словам А. Андреева, сводится к методу фотовыявления (или фотовопроса), когда информанту предлагается отреагировать на снимки, заготовленные для этих целей исследователем [Андреев, 2019: 88—89]. Реальное использование фотографии гораздо многообразнее, однако профессиональному обсуждению в первую очередь подвергается действительно именно фотовыявление (во вторую, условно, — фотографии информантов, уже существующие или созданные по запросу исследователя).

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы внести вклад в методическую рефлексию исследовательского фотографирования, имея в виду весь цикл от подготовки к полевым работам до использования полученного материала. В более широком плане обсуждению подвергается практика полевой работы, взаимодействия исследователей с информантами и друг с другом. Эмпирической базой служат материалы фототомэппинга, собранные в текущем исследовании

¹ Наблюдение на уроке в одной из общеобразовательных школ Екатеринбурга в середине 2000-х годов. Учительница призналась потом, что и для нее такое действие ученика стало неожиданностью. Вместе с ней двое из нас готовили тогда авторский учебно-методический комплекс по обществознанию.

² Будь то фотофиксация для себя или сообщения для других [Villi, 2007, 2012], внутри безопасного «телекокона» [Habuchi, 2005] или на широкую аудиторию. В основном эти практики анализируются в контексте использования гаджетов и социальных медиа, в медиаисследованиях и цифровой антропологии; особо отметим обсуждение роли фотокоммуникаций, в том числе исследовательской фотографии в изучении протестов [Архипова* и др., 2018].

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

малых российских городов, а также корпуса данных, собранных методом, из ранее реализованных проектов по изучению небольших уральских городов³.

Исследовательская фотография: какой пакт здесь устанавливается?

Исследовательский фотомэппинг — разновидность исследовательской фотографии, и чтобы осмыслить его как социальную и профессиональную практику, необходимо понять, какой «пакт» лежит в ее основе. Предполагается ли, что сделанные в поле снимки — это просто фиксация, документирование, пусть с использованием особого языка и технических средств, но в целом аналогичное, скажем, записям в словесном дневнике наблюдения? Или это полноценная фотография, к которой следует применять соответствующие способы визуального анализа? Уместны ли на страницах научных изданий функциональные в повседневных фотокоммуникациях, но некачественные снимки (см., напр., [Hjorth, Pink, 2014; Villi, 2012]), и если да, то распространяется ли это так же на кадры, сделанные в поле исследователем?

Подобные вопросы не рассчитаны на немедленный ответ, но побуждают задуматься о мало или вовсе не проговоренной конвенции, пакте между фотографирующим исследователем и теми, на чьей территории — а может быть и кого — он(а) фотографирует, а также между самими исследователями и интересантами их публикаций и выступлений. Понятие пакта мы заимствуем у Ф. Лежёна. Около полувека назад, рассуждая о природе автобиографических произведений, он показал, что их бытование базируется на своего рода пакте — «договоренности» с читателем, — куда входят такие вещи, как «игра в правду» и установка на документальность [Lejeune, 1973; Лежён, 2012] (см. также: Глушко, 2013)]. По сути, речь идет о конкретном наборе социальных правил, с необходимостью входящих в любую социальную практику (нерефлексируемый, само собой разумеющийся характер регуляций как раз и говорит о том, что некие действия превратились в практику в понимании П. Бурдьё).

В ИФМ совмещаются обычные «общечеловеческие» практики фотографирования (фотокоммуникации в целом) и практики полевого исследования, когда происходит производство данных, а в дальнейшем — их хранение и использование. Противопоставление документальности и фикциональности, вымысла, как бы ни был продуктивен общий посыл Лежёна, вряд ли имеет шанс из 1970-х годов просочиться в наши дни, где привычным стало воспринимать любой нон-фикшн, словесный или визуальный, как конструкцию, обладающую своим собственным языком, системой координат и контекстами. Речь скорее идет о пакте как готовности воспринимать обыденную практику фотографирования в качестве исследовательского действия. Примерно то же происходило, когда обычная беседа — спрашивание — превращалась в метод интервью.

Что такое исследовательский фотомэппинг

Чтобы понять суть метода, нужно сформулировать его собственные характеристики (методические принципы) и определить положение в методической системе

³ «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)» (2021—2023), см. также: [Веселкова, 2016, 2022; Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016; Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2016а, 2016б; Вандышев, Прямикова, Веселкова, 2022; Прямикова, 2022].

координат, соотнося с методами-соседами. С этого последнего и начнем, постепенно продвигаясь к принципам.

Среди методов-соседей терминологически наиболее близким к ИФМ является фотомэппинг, относимый к партисипаторным методам — *participatory photo mapping*. Партисипаторный фотомэппинг (ПФМ) означает деятельность информантов, которые в ходе исследования осуществляют определенным образом организованное фотографирование. Обычно ПФМ сфокусирован на местном сообществе, хорошо совмещается с нарративным интервью и прогулкой по микрорайону, прекрасно подходит для работы с молодежью и подростками [Dennis et al., 2009; Teixeira, Gardner, 2017]⁴, в том числе младших возрастных групп. Так, в недавнем ирландском исследовании ПФМ применялся для изучения пищевого поведения 11—12-летних школьниц, обеспечивая «сбор данных, демонстрирующих рациональное знание пищи детьми, разноуровневые инсайты, проникновение в сенсорный опыт и знания сообщества» [Fernández, Kitching, Horgan, 2021: 545]. Если далее углубляться в сферу образования, то ПФМ имеет хороший потенциал и в качестве учебного приема [Waity, Crowe, 2019].

Примерно в том же смысле, что и ПФМ, используется термин «партисипаторное фотоинтервью» [Kolb, 2008], но последняя формулировка акцентирует коммуникацию в форме интервью. В этих методах релевантной для нашего подхода является обычно артикулируемая привязанность к месту, конкретной территории, а также активный, «участвующий» характер фотографа. Основное отличие состоит в том, что в ПФМ и партисипаторном фотоинтервью снимает информант⁵, а в исследовательском фотомэппинге — сам исследователь.

Важный аспект — включение фотографирования в мобильные интервью. Такая потребность возникает при изучении жизни городских районов и в других сферах применения мобильного интервью. При этом снимает исследователь [Bendiner-Viani, 2005; Miaux et al., 2010] или специально приглашенный фотограф, а прогулка может изначально строиться так, чтобы информант показывал, что именно снимать [Fink, 2012] (см. подробнее [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017: 49]). Отличие ИФМ заключается в принципиально большей независимости исследователя. Как будет показано ниже, ИФМ может осуществляться и без информантов, а при общении с ними участники не всецело определяют, что и как снимать [там же: 50].

Более широким термином (и практикой) является исследовательская фотография — «систематическое изготовление фотографии самим исследователем в рамках исследования» [Андреев, 2019: 87]. Согласимся с оценкой А. Андреевым той значительной роли, которую сыграли в утверждении исследовательской фотографии в российской социологии сборники по визуальной антропологии под

⁴ Гораздо реже можно встретить публикации, относящиеся к исследованиям старших возрастных групп, и это не собственно ПФМ, а, скажем, *participatory community mapping workshops (PCMWs)* [Fang et al., 2016]. Здесь уже скорее говорят о фотонелле и фотовойсе (см. обзор [Benjamin-Thomas et al., 2018]).

⁵ Прослеживая историю метода «фотоинтервью» с 1957 г., когда этот термин впервые был использован Дж. Кольтером, а также актуализацию подхода Дж. Харпером через введение нового термина «фотовыявление» (*photo-elicitation*), или «фотовопрос», А. Запольская далее объединяет эту традицию, где используются подготовленные исследователем снимки, с «фотовойсом», где снимки делает информант [Запольская, 2014]. В другой статье А. Запольская выделяет виды фотоинтервью в зависимости «от того, какие фотографии предлагают комментировать информанту: снятые исследователем во время включенного наблюдения; отобранные исследователем из архивов или СМИ; предложенные к обсуждению самим исследуемым личные коллекции; снятые им специально для интервью» [Запольская, 2015: 106].

редакцией Е. Ярской-Смирновой и П. Романова (в 2007 г. также В. Круткина) (и, добавим, саратовские конференции конца 2000-х годов, на основе которых и вышли эти книги) [там же: 87—88].

По сути осуществляемой деятельности ИФМ наиболее близок к «визуальному дневнику» [Prosser, Schwartz, 2005; Форум..., 2018: 14—20; Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020]. Здесь уместна этнометодологическая постановка вопроса: что мы делаем, когда фотографируем? Дж. Проссер и Д. Шварц предлагают отличать визуальный дневник от визуальной записи (или регистрации, как переводит «visual record» А. Андреев (ср.: [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 99])). Различие пролегает в эпистемологической плоскости: если регистрация обозначает позитивистски понимаемую работу камеры, то дневник акцентирует внимание на исследователе и свойствах фото как медиума в исследовательском процессе. По мнению Проссера и Шварц, визуальный дневник представляет собой «авторефлексивную и медиаграмотную хронику вхождения исследователя в поле, участия в поле и выхода из него. Созданные в рамках этой парадигмы образы предстают уникальным результатом взаимодействия конкретного исследователя с особым населением при использовании определенного медиума в конкретной точке пространства и времени» [Prosser, Schwartz, 2005: 108]⁶.

Действительно, практически в каждом изучаемом городе у нас есть фотографии, маркирующие приезд и отъезд: это мы сами на вокзале или около него, а вот таблички с расписанием автобусов или поездов, которые могли пригодиться для дальнейших передвижений, и т. п. ИФМ фиксирует не только взаимодействия исследователя с полем и изучаемыми людьми, но и между собой, и это принципиально важный момент, если признать, что полевая работа — консолидирующая профессиональная практика не только для этнографов [Щепанская, 2003: 166—167], но и для социологов.

Рис. 1. Исследователи М. Вандышев и Е. Прямикова в пос. Абезь (Республика Коми), август 2021 г. (фото Н. Веселковой)

⁶ Будем иметь в виду, что Проссер и Шварц говорят об исследовании, (целиком) основанном на визуальных образах (image-based research), тогда как в нашем случае ИФМ — один из методов, скорее вспомогательный, нежели первостепенный.

Снимок выше (рис. 1) и другие из этой серии сделаны во время ожидания поезда. Запечатлевшие дружеские отношения «временного трудового коллектива», они информативны и во многих других отношениях. Довольно теплая для лета одежда напоминает о климате приполярного Урала, капюшоны — о вездесущей мошке. Строяния на заднем плане покрашены в фирменном стиле «Российских железных дорог» (РЖД), однако здесь нет ни вокзала, ни даже таблички с надписью «Абезь», так как в современной структуре РЖД это не станция, а пост. Мы туда ездили, чтобы познакомиться с подразделением Интинского краеведческого музея — музейной экспозицией и мемориальным кладбищем. Абезьский историко-мемориальный комплекс посвящен истории ГУЛАГа в этих местах и производит очень сильное и тяжелое впечатление, так что улыбочное позирование было отчасти нервной реакцией на еще не отрефлексируемый опыт. В то же время мы искренне радовались тому, что удалось сюда добраться (на этапе планирования это казалось слабо осуществимой задачей⁷) и что повезло с погодой (в тот день обещали продолжение дождя, заливавшего Абезь двое суток подряд).

На наш взгляд, дневниковая природа ИФМ объясняет и легитимирует определенную нарциссичность, автоэтнографичность, свойственную всем эго-документам (ср. с описанием визуального дневника и фотографирования как исследовательской практики, где на приводимых снимках, как и у нас, присутствуют сами социологи, у Е. Полухиной, А. Стрельниковой и А. Ваньке [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020]. В своем учебном пособии те же авторы помещают визуальные данные в контекст метода наблюдения, подразделяя на оперативные и опосредованные. Под опосредованными понимаются заснятые «следы произошедшего», под оперативными — съемки ситуаций, развивающихся прямо сейчас, например, митинг, праздник, производственный процесс, а также передвижения в ходе мобильных интервью [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 150—151] (см. также [Стрельникова, Ваньке, 2017]⁸).

ИФМ является частью пребывания в поле, но это не включенное наблюдение, а скорее увлеченное знакомство, погружение в новую реальность по типу «путешественника» в терминологии С. Квале и В. Ильина [Квале, 2003: 13—15; Ильин, 2006: 5—8]. Слово *mapping*, конечно, отдает безучастным позитивистским «картографированием», но акцентирует связь с пространством, намекая на джеймсову тотальность карты и в то же время на полноправность сколь угодно «малых» деталей, необходимых для прорисовки.

Специалисты отмечают присутствие фотографирования на разных этапах исследования, но сам набор этапов различается. У А. Андреева это подготовка, сбор фотографических материалов и анализ [Андреев, 2019]. Е. Полухина, А. Стрельникова и А. Ваньке говорят о логике исследовательской работы, когда «фотографии поэтапно репрезентируют стадии полевых проектов — от доступа к полю до презентации результатов» [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 98].

⁷ Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить всех, кто способствовал этой поездке: встретившего у поезда и познакомившего с Абезью сотрудника музея А. Д. Мерзликина, а также знакомых и незнакомых коллег: М. Ильину, Ю. Каллаур, Н. Морозова, Ф. Николаи, И. Сажина и др.

⁸ В тексте — биографических прогулок; о соотношении понятий биографической прогулки и мобильного интервью см. [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017; 2019: 16—17].

Т. Хинг попытался восполнить пробел в части технической грамотности фотографирования в социологическом исследовании [Heng, 2017] (некоторые шаги в этом направлении предприняты в одной из работ А. Андреева [Форум..., 2018: 14—20]). Мы считаем продуктивной детализацию этапов и проработку ИФМ на каждом из них, включая действия, связанные с хранением (оперативным сохранением в поле и последующим преобразованием в базу данных), а также не только анализ, но и различные виды использования — предъявления данных.

Обозначив свойства ИФМ в сравнении с близкими методами, подходим к формулировке определения, которая складывается из трех методических принципов: ИФМ — это фотографирование, которое

- производит исследователь как активный участник поля, без информантов или вместе с ними,
- в процессе полевых работ.

Особенности данного метода раскрываются посредством различных видов фиксации в зависимости от объекта наблюдения.

Типология ИФМ: роль ситуации и участия информантов

Исследовательский фотомэппинг как вид исследовательской фотографии является частью пребывания социолога в поле. *Фотографическое событие* в данном случае (в развитие формулировок А. Андреева) — *это событие наблюдения*, когда исследователь решает зафиксировать нечто, но не в разговоре с коллегами или информантами (или не только в разговоре), не посредством записи в дневник, а именно с помощью съемки. Каждый полученный снимок тем самым оказывается *фотографической записью наблюдения* (ср.: [Андреев, 2019: 93]).

ИФМ представляет собой не разрозненные кадры, а *серию, фиксирующую пребывание исследователя в поле как процесс, организованный во времени. ИФМ в ходе интервью соответствуют обстановке интервью, а в случае go-along — маршруту интервью.*

Мы дифференцируем ИФМ в зависимости от (1) ситуации / объекта наблюдения и (2) участия информантов. Специфика (1) ситуации и объектов наблюдения определяет разную степень избирательности фиксации, в которой четко выделяются как минимум три формата. Во-первых, в ситуации go-along интервью фиксация маршрута включает фотографии как проходных точек, например, названий улиц, так и ключевых дестинаций — мест, особенно значимых с точки зрения информанта⁹. Кроме того, в объектив могут попасть места, не указанные участником, но выделенные исследователем.

Во-вторых, фиксация может быть направлена на уникальные объекты, которые демонстрируют информанты. В ходе интервью с создателем музея фотографии в г. Котельнич нам показывали ценные экспонаты, в том числе коробки с материалами, которые сегодня хранятся в краеведческом музее из-за нерешенности вопроса с местом размещения фотомузея. Эти экспонаты недоступны обычным посетителям и в будущем, если музей фотографии не будет работать, могут осесть в запасниках или прийти в негодность из-за своей хрупкости (см. рис. 2).

⁹ О проходных местах, дестинациях и других элементах маршрута go-along интервью см. [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017, 2019].

Рис. 2. Коробка с фотонегативами (г. Котельнич, Кировская обл.), июль 2021 г. (фото Е. Прямиковой)

В-третьих, в ситуации специфичных социокультурных анклавов (например, школьных и корпоративных музеев) фиксация стремится к максимальному охвату: при типичном наборе (разделов, экспозиционных решений, базовых экспонатов — если продолжить пример с музеями) конкретное содержание всегда уникально, с ним можно ознакомиться только в этом конкретном месте.

В зависимости от (2) участия информантов полярными типами являются ИФМ, осуществляемые без информантов и вместе с информантами. Первый тип, без информантов, в свою очередь, подразделяется на фотографирование до встречи с участниками, когда никто из них еще ничего не показывал и не рассказывал, и после или между такими встречами, когда наше восприятие уже нагружено соответствующими настройками.

Разумеется, и до первого интервью восприятие не представляет собой чистый лист, поскольку обусловлено личным и исследовательским опытом (если их возможно разделить), включая прочитанное, прослушанное и просмотренное специально для очередной поездки. Так, физическому посещению Абези предшествовало виртуальное путешествие: от встречи на станции с сотрудником музея и до посещения мемориального кладбища — благодаря доступной в сети публикации¹⁰ — можно было ловить себя на том, что некоторые наши кадры непроизвольно «повторяют» присутствующие в лонгриде. Про Котельнич один наш коллега рассказал, что в этом городе жил его родственник, известный фотограф Николай Шилов. В первый же вечер (встречи с информантами начинались на следующий день) на стене жилого дома обнаружилась мемориальная доска в честь Шилова (что оказалось приятной неожиданностью и для того коллеги, мы отправили ему фотографию) — «настроенное» предваряющим рассказом восприятие отразилось в фотомэппинге. Впоследствии некоторые информанты упоминали Шилова и даже эту табличку, и мы уже хорошо понимали, о чем речь.

¹⁰ Прокофьева Н. А вокруг — безымянные могилы. По местам политрепрессий Республики Коми // Яндекс.Дзен. Живу в Коми. 2020. 30 октября. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a1833d3482677a03feabf27/a-vokrug-bezymiannye-mogily-po-mestam-politrepresii-respubliki-komi-5f96b163bc35081b52a4b6f7> (дата обращения: 22.07.2022).

Второй тип ИФМ, когда «фото генерируются совместно с информантами» [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 98], тоже внутренне различается в зависимости от степени воздействия собеседников на фотографирование: от ситуаций, когда влияние проявляется только в маршруте go-along, а сам информант, как кажется, остается безучастным к фотографическим потугам исследователя, и до моментов, когда участники прямо руководят съемкой, предлагают сфотографировать исследователя на определенном фоне, подсказывают выигрышные ракурсы и т. п. Как правило, эти указания активизируются в особо значимых местах и тем самым оказываются информативными.

Например, в Котельниче нам обязательно старались показать стоящую на берегу реки Вятки часовню «в честь Алексия человека божия», поясняя, что это покровитель города, по имени которого названа и Алексеевская ярмарка, а само место обладает особой аурой:

... Дурные и хамовитые от рождения котельничане — все мы такие, и я себя не исключаю из этого списка, вот — тем не менее, очень трепетно относятся. Другая бы, знаете, пиво пили бы, сгорела бы. Как часовню поставили — тишина-а-а! (КтМ51)¹¹.

Здесь, на 51-й минуте интервью, наш собеседник предлагает:

Фотографируйте, я вам даже нужные ракурсы подскажу <...> я бы для начала вот здесь с угла и вот так вот с нижней точки бы снял (КтМ51).

В Инте участник мобильного интервью Матвей особо выделил «один маленький памятник» («Жертвам сталинизма»), замечательным образом соединивший историю города, страны и его собственную биографию. Матвей начинает рассказывать о нем загодя, так что этот объект появляется в интервью задолго до непосредственного показа. В неброскости памятника заключена самая соль — исследователи получают привилегированный доступ к тому, что для обычных приезжих остается невидимым¹², при этом информант доверяет нам нечто лично значимое:

... Он скрыт, э-э-э, так скажем, от людского глаза, и он чаще всего... ну, я не видел ни разу, чтобы его показывали туристам. Потому что он находится во дворе дома вот. И с этим памятником именно вот у меня связана маленькая история <...> — потому что на этом памятнике впервые я начал помогать ветеранам. Людям, которые сделали очень много как для страны, так и для именно города (ИнМ30).

Создается «обогащенный» режим восприятия, свойственный хорошим экскурсиям, в данном случае дополнительно усиленный личностной вовлеченностью рассказчика. Именно в этом месте Матвей спрашивает: «Я не знаю, если фотографироваться будете... Хотите я вас сфотографирую?» (ИнМ30).

¹¹ Здесь и далее используется шифр, где первые две буквы обозначают город: Кт — Котельнич, Ин — Инта, Дб — Добрянка, далее буквами (М и Ж) и цифрами обозначены пол и возраст информантов. Имена изменены в целях обеспечения конфиденциальности.

¹² О разных вариантах соотношения рассказа и показа в мобильном интервью см. [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2019]; о (не)видимости меморативного ландшафта — [Веселкова, 2022].

Иногда прямые указания информанта отсутствуют, но сама ситуация побуждает исследователя к фотографированию. Так, жительница Котельнича поначалу не хотела рисовать ментальную карту, объясняя, что в школе искусств неподалеку есть произведение (см. рис. 3), которое полностью отражает ее представления о городе:

Мы можем даже зайти в школу искусств — там нарисован детский городочек. Вот я себе так представляю наш город. <...> какой-то добрый, такой сказочный, родной и спокойный. Не мегаполис. Несмотря на то, что у нас много домов многоэтажных, кирпичных, вот несмотря на это, город ассоциируется с теплотой домашней, много зелени в городе (КтЖ23).

Рис. 3. Рисунок в школе искусств (г. Котельнич, Кировская обл.), июль 2021 г. (фото Е. Прямиковой)

Чтобы не идеализировать познавательные возможности ИФМ в интервью, заметим, что акцент на личную причастность довел рассказ 30-летнего Матвея до 2006 г., но не до 1990 г., когда был установлен памятник «Жертвам сталинизма» (а сам Матвей еще не родился). Из интервью, сколько ни фотографируй, не ясно, почему камень установлен именно в этом месте. О том, что это «первый памятный знак на месте массового захоронения в Инте», узнаем только из текста на официальном городском сайте¹³. Тем не менее, посредством «руководства» фотографированием памятник определен в качестве одной из ключевых дестинаций длинного насыщенного маршрута, по которому нас провел Матвей.

ИФМ и «степени свободы» исследователя

Фотоповедение информантов (термин из [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 106]) — отдельная крайне интересная и важная тема, здесь мы ее затрагиваем лишь отчасти. На ИФМ в ходе мобильного интервью влияет не только активность информанта, но и «степени свободы» исследователя, а также взаимная ориентация собеседников, в связи с чем мы выделяем следующие три формата.

¹³ День памяти жертв политических репрессий // Официальный сайт МОГО «Инта». URL: <http://www.adminta.ru/about/arkhivnoe-delo/fotodokumenty/5313> (дата обращения: 22.07.2022).

1. В ситуации, когда один исследователь сопровождает информанта, он может быть полностью привязан к процессу интервью и фиксировать только то, на что обращает внимание информант.

2. В ситуации, когда два и более исследователей сопровождают информанта, внимание одного полностью приковано к информанту, а другие могут более активно снимать, тем самым создавая собственную фотопрезентацию городского пространства. От информанта зависит только маршрут.

3. Еще один вариант, когда исследователь и информант действуют сообща, в режиме взаимной настройки. Исследователь, фиксируя то, на что указывает информант, иногда проявляет инициативу, и здесь уже информант дает дополнительные пояснения, увидев объект внимания социолога. Далее это может привести к тому, что информант предложит какие-то подобные объекты для фотографирования, раз исследователю это интересно.

Разделение этих форматов, конечно, условно, и степень взаимной ориентации может меняться на каждом шагу в процессе интервью. Тем не менее, типология представляется полезной для анализа конкретных сюжетов. Выше мы рассмотрели, как работает прямое руководство фотографированием со стороны информанта (1). Высокая (воспринимаемая) степень свободы социолога (2) создает иллюзию полной независимости ИФМ, поскольку собеседник далеко не всегда указывает на значимые места, а исследователь стремится запечатлеть на карте памяти как можно больше, как бы признавая ограниченность памяти собственной. Думается, между фотографированием и рассказом участника существует определенная связь, которая далеко не всегда подвергается аналитическому разбору.

Эффект взаимной настройки (3) распространяется не только на фотомэппинг, но и на показ (города, музея, школы и т. д.) как представление «коллективного себя» другим. Социолог пытается уйти от вопросов информанта о том, что ему хотелось бы посмотреть, но надо учитывать, что через такие расспросы информант рассчитывает получить какие-то подсказки, зацепки по поводу того, что следует предьявлять, рассказывая о своем городе. Так с поправкой на мобильный характер интервью вырабатывается их совместная, интегральная рамка референции, необходимая для достижения коммуникативной адекватности в любых интерактивных методах¹⁴.

Взаимодействия с информантом по поводу съемки, на наш взгляд, следует рассматривать в двух контекстах, из которых более общий задают некие культурные конвенции, предположительно разделяемые обеими сторонами, по поводу фотографирования, а более конкретный — конвенции взаимодействия в ходе исследовательского интервью. Как именно складывается распределение контроля, зависит как от общеметодологических установок, вида интервью, так и от его конкретной динамики: насколько исследователь готов поделиться своей властью и сколько власти информант готов взять на себя [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2017]. Оказывают влияние и предустановки информантов о том, что такое социологическое исследование («соцопрос», как нередко приходится слышать) и в чем суть их собственного участия в этом конкретном случае.

¹⁴ Проблематику коммуникативной адекватности одной из первых в отечественной социологии стала разрабатывать к. ф. н. Ольга Маслова, см., напр.: [Методы сбора ..., 1990]. О рамках референции см. [Kahn, Cannell, 1959; Harkess, Warren, 1993; Веселкова, 1995].

Работающим в поле социологам, антропологам, фольклористам хорошо известен феномен, когда исследователю приписывают несвойственные ему роли представителя СМИ, органов власти и др. [Оссовский, 1999; Форум..., 2006: 11, 96—97, 138—139; Архипова* и др., 2018: 21]¹⁵. Даже если «на поверхности» информант понимает, что это не журналисты и не проверяющие, на каком-то другом уровне сплошь и рядом включается модель восприятия и взаимодействия именно по такому образцу — возможно, потому что другого образца так и не сложилось. Соответствующие установки находят выражение, подчас очень яркое, и через реакции в отношении фотографирования.

Так, исследование мест памяти в молодых городах забросило нас в Красно-турьинск в 2013 г., когда на местном алюминиевом заводе закрылся последний участок по производству «крылатого металла». Один из каналов доступа в поле был предоставлен ячейкой КПРФ, выступавшей — как, впрочем, и многие красно-турьинцы — за сохранение производства. Настойчивость привлеченного через этот канал участника в попытках руководства исследовательским фотографированием имела вполне конкретное основание — зафиксировать все сложные места, демонтаж конструкций завода, закрытие детской библиотеки. Когда рушится инфраструктура города, нужно не просто говорить, а кричать об этом. Сам информант активно участвовал в протестных акциях, и для него интервью стало логичным продолжением этой деятельности — так он надеялся привлечь на свою сторону союзников.

Поскольку основным методом в наших исследованиях является интервью, мы оговаривали с информантами только запись на диктофон — фотографирование подключалось по ходу общения. Если в этот момент мы находились в помещении на территории информанта, то спрашивали разрешение на съемку, а двигаясь вместе по городу, просто снимали или просили чуть задержаться, чтобы успеть сделать фото. Обычно это воспринимается положительно — как свидетельство важности происходящего. В тех случаях, когда в кадр попадают информанты, в конце интервью отдельно оговаривается возможность использования этих снимков.

Проявления недовольства, при всей своей редкости, заслуживают внимания, поскольку оказываются весьма показательными не только в плане этики, но и коммуникативной адекватности и ролевых сценариев в полевых исследованиях. Во время первой остановки проходившего на автомобиле интервью (в формате два исследователя — один участник, наиболее благоприятном для независимой съемки), когда один из нас начал снимать, наш информант, прервав рассказ, строгим голосом поинтересовался: «Что, и *прямо фотографии где-то будут выкладываться?*». Из последовавшего обсуждения: «Ну, надо посмотреть, какой контекст, то есть, ну, я-то вам откровенно все говорю, а как это потом все перевернут — всякое бывает. Уже *сталкивался с прессой*» (ДБМЗ6)¹⁶ — очевидно, что человек воспринимает свое участие в социологическом интервью по типу общения «с прессой».

¹⁵ В иной системе координат собиратель фольклора может представлять как дальний некомпетентный родственник, которого следует приобщить к истокам [Сычёва, 2015].

¹⁶ Исследование социальной памяти поколений в городах старой и новой индустриальности, поле 2019 г., г. Добрянка (Пермский край).

Стоит признать, что столь упорные «заблуждения» информантов проистекают из действительного сродства вышеназванных социальных практик — а также не названных, как в знаменитом сравнении с инквизитором [Панченко, 2001] — в части добывания и работы с информацией. Для нашей темы хотелось бы обозначить сходство с практикой не просто фотографирующего туриста¹⁷, но и блогера, рассказывающего о своих путешествиях в сериях последовательных, прикрепленных к маршруту снимков с короткими подписями. При этом важна не столько самоидентификация исследователя, сколько воспринимаемый информантами ролевой сценарий.

Об упреждающем знакомстве с Абезью по лонгриду мы уже упоминали, но обращение к блогерским текстам эвристично и в смысле артикуляции внешнего взгляда. Фотозаметки об Инте в ЖЖ молодой пары из Москвы содержат многие дестинации и наших маршрутов go-alongs¹⁸, однако если блогерам некое сооружение показалось «очень странным памятником» и они в подписи к фото просили интинцев пояснить, чему он посвящен, то нам не пришлось спрашивать. Показывая этот памятник — «взлетающую ракету», — информант рассказал, что ее установили в честь «полета Юрия Гагарина в космос». Рассуждая о значимости этого «маленького памятника», молодой человек приходит к обобщению о знаках причастности своего города к большим свершениям:

С каждым каким-то <...>, я так думаю, важным событием в истории э-э-э и Советского Союза, и России есть как бы напоминание, что ли, об этом, в городе (ИНМЗО).

Заметим примечательный с точки зрения мультискалярного анализа момент, что первый полет в космос позиционируется в масштабах прежней и нынешней страны, но не мира.

Для непосвященных обсуждаемое сооружение остается непонятным и даже незаметным — в отличие от тех блогеров, самостоятельно мы ракету скорее всего не увидели бы, о чем свидетельствует как красноречивое уточнение интервьюера: «Это вот эта вот, серенький?», — так и тот факт, что в массив ИФМ она не попала. К слову, интернет-поиск со включенным в запрос словом «памятник» не дает результата: «ракета» проходит по ведомству фонтанов:

Фонтан «Космос», по другой версии «Полет в космос», был установлен в 1960 году на улице Кирова, между домами 13 и 15. По сведениям историков, сооружение возведено безвозмездно, силами бойцов-горноспасателей. Фонтан представляет собой семигранную чашу и стелу из бетона с венчающей металлической ракетой, устремленной ввысь¹⁹.

¹⁷ О позиции фотографирующего исследователя как туриста см. [Андреев, 2019: 100—103], о сравнении позиций полевого исследователя и туриста см. [Детярь, 2021].

¹⁸ Инта — город-оптимист // LiveJournal: pashalena. 2016. 9 августа. URL: <https://pashalena.livejournal.com/79722.html> (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁹ История Инты: фонтан «Полет в космос» // ВКонтакте. Интинские новости. 2019. 22 июля. URL: https://vk.com/wall-41887208_35415 (дата обращения: 22.07.2022).

Ограничения ИФМ

Как и у любого метода, ограничения ИФМ обнаруживаются на всех этапах исследовательского процесса. В общем виде их можно обозначить как зависимость от фотографии, как если бы она вытесняла все остальные способы восприятия, фиксации и хранения данных.

Планируя фотографирование, мы заведомо ограничиваем свое восприятие. В поле реальность сортируется в зависимости от фотогеничности, внимание направляется на то, что сможет получиться на фотоснимке, и отвлекается от остального, как это вышло с несфотографированной ракетой. Что касается сделанных снимков, если по каким-то причинам они повредятся или потеряются, это может стать катастрофой, сопоставимой с потерей аудиозаписей интервью.

В поле исследователь сталкивается с разной доступностью изучаемой реальности для фотографирования, и не только в силу освещенности или каких-то иных технических параметров. В Алапаевске информант — верующая женщина — с пониманием, хотя и без восторга, отнеслась к нашему бесконечному щелканию даже в святых местах, по которым она нас водила. В Краснотурьинске в отсутствие каких-либо табличек, запрещающих съемку у проходной завода, куда привел маршрут одного из интервью в 2013 г., напротив, произошел неприятный инцидент с охраной (ср.: [Форум..., 2018: 17—18]).

В другом случае директор завода благосклонно отнесся к фотографированию на предприятии, но на вопрос о разрешении «выкладывать» снимки фактически ответил отказом — «только после согласования» с ним. Предприятие входит в крупное объединение и следит за тем, чтобы «предъявление себя другим» соответствовало корпоративной политике. На первый взгляд, подобные сюжеты связаны не столько с фотографиями, сколько с заботой об имидже в целом. Вместе с тем они хорошо демонстрируют особый статус визуального, как если бы слова можно было переиначить, а вот фото обладали непреодолимой силой (анонимность директора ничуть не интересовала, а вот фотографирование вызвало вопросы).

Обычно в своей практике мы анонимизируем персоналии, но не стремимся к тотальному обезличиванию мест проведения исследований, как это иногда делается для обеспечения конфиденциальности (см., напр., [Morris, 2015; Малая, 2020]), но также, думается, и для того, чтобы подкрепить претензии исследователей на обнаружение типичного. В нашем случае специфика изучаемых городов, напротив, выступает стержнем исследований и публикаций [Веселкова, 2016; Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016; Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2016а, 2016б; Вандышев, Прямикова, Веселкова, 2022]. Предприятия, как правило, тоже указываем, но даже не будучи названными, при желании они легко «вычисляются».

Здесь мы вплотную подходим к дебатам о (не)возможности обеспечения полной конфиденциальности и другим аспектам этики исследования, в том числе в связи с визуализацией [Pink, 2013: 58—69], которые в целом выходят за рамки данной статьи. Отметим только один момент. И наши согласования по поводу фотографий, и опыт, которым делятся специалисты относительно разрешения на использование собранных материалов²⁰, — показывают, что люди не против применения

²⁰ См. высказывания участников дискуссий «Этические проблемы полевых исследований» и «От поля к тексту» на страницах журнала «Антропологический форум» в 2006 и 2018 гг. [Форум..., 2006; Форум..., 2018], а также статью Галины Орловой, посвященную сложностям авторизации [Орлова, 2016].

полученной от них информации, но хотят, чтобы она была представлена надлежащим образом. Тут-то и таятся семена раздора: если для ученого «надлежащей» является аутентичность, то информанту может быть важно, чтобы устная речь была приглажена по нормам письменной, а фотографии были «красивыми»; возможны и содержательные расхождения.

Заключение

Фотографирование очень широко используется в современной исследовательской практике, но далеко не всегда подвергается методической рефлексии. В отличие от массива интервью, для которых указываются время и место проведения каждой встречи, подробно перечисляются характеристики информантов и т. п., фотографии могут просто собираться в папки, что приводит к потере данных (конечно, если рассматривать снимки как данные, а процесс их создания — как метод).

Представляя контуры метода ИФМ, мы стремились показать как эвристику, так и возникающие проблемы; и то, и другое проистекает из подразумеваемых базовых конвенций и конкретной разновидности фотомэппинга. ИФМ варьируется как в зависимости от ситуации, объекта фиксации, так и от участия информантов. При этом важна не только степень вовлеченности участника, но и его представления о допустимости обнародования тех или иных фотосвидетельств. В городских исследованиях ярко проявляется желание информантов продемонстрировать достоинства (реже — проблемы) своего поселения. В любом случае, стремление социолога зафиксировать различные места и объекты воспринимается участниками как свидетельство важности происходящего, интерес к их городу, предприятию, школе, музею и т. п.

Обозначенные — а большей частью еще ждущие обсуждения — преимущества и ограничения ИФМ показывают сложность этой практики, которая в нашем случае раскрывается в триангуляции с другими методами. В целом, выводы статьи вполне созвучны заключению других адептов фотографирования (см., напр., [Форум..., 2018: 14—20; Андреев, 2019]): как процесс и продукт исследовательская фотография обладает несомненной эвристической ценностью, способной углублять видение и открывать новые горизонты, обогащая при этом взаимодействия внутри исследовательского коллектива. При этом, как справедливо замечают коллеги, фотографирование не просто фиксирует, но и структурирует происходящее вокруг [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020: 100]: реализуется селективность восприятия, выстраивается драматургия знакомства с городом (или другой дислокацией поля), выделяются основные и промежуточные дестинации внутри маршрута мобильного интервью. Типологизация различных вариантов соотношения фотографирования и рассказа позволяет лучше понять избирательность в фиксации мест как с позиции социолога, так и информанта.

Список литературы (References)

Андреев А. Н. Модель применения исследовательской фотографии при изучении социального взаимодействия // Социология: методология, методы, математи-

ческое моделирование. 2019. № 49. С. 84—130. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/7433> (дата обращения: 22.08.2022).

Andreev A. N. (2019) The Model of Application of Research Photography in the Study of Social Interaction. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 49. P. 84—130. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/7433> (accessed: 22.08.2022). (In Russ.)

Архипова А. С.*, Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.

Arkhipova A. S.*, Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilova M. V. (2018) “Rally Rebuild”: Internet in Protest and Protest on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>. (In Russ.)

Вандышев М. Н., Прямикова Е. В., Веселкова Н. В. Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. (В печати).

Vandyshv M. N., Pryamikova E. V., Veselkova N. V. (2022) Industrial Memory: Scales and Plurality. Ekaterinburg: Ural University Press. (In Print). (In Russ.)

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020. Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) How to Collect Data in Qualitative Field Research. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)

Веселкова Н. В. Методические принципы полужормализованного интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1995. № 5—6. С. 28—47.

Veselkova N. V. (1995) Methodical Principles of Semi-Formalized Interview. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 5—6. P. 28—47. (In Russ.).

Веселкова Н. В. Кто знает ваш Качканар? Труды и дни уральского моногорода // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 3—4. С. 50—61.

Veselkova N. V. (2016) Who Knows Your Kachkanar? Works and Days of Ural Monotown. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research*. No. 3—4. P. 50—61. (In Russ.)

Веселкова Н. В. Меморативный ландшафт: опыт методологической рефлексии // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: сб. науч. тр. / под ред. Л. Н. Мазур и Д. Магера. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 50—61.

Veselkova N. V. (2022) Memorative Landscape: Experience of Methodological Reflection. In: Mazur L. N., Magier D. (eds.) *Memorative Landscapes of Small Towns in Russia and Poland*. Ekaterinburg: Ural University Press. P. 50—61. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016.

Veselkova N. V., Pryamikova E. V., Vandyshv M. N. (2016) Sites of Memory in Young Towns. Ekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Город юности Качканар — детище XX съезда партии // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М.: Политическая энциклопедия: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016а. С. 578—591.

Veselkova N. V., Vandyshv M. N., Pryamikova E. V. (2016a) The City of Youth Kachkanar as the Offspring of the XXth Party Congress. In: *After Stalin. Reforms of the 1950s in the Context of Soviet and Post-Soviet History*. Moscow: Political Encyclopedia; Boris N. Yeltsin Presidential Center. P. 578—591. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Дискурс природы в молодых городах // Социологическое обозрение. 2016b. Т. 15. № 1. С. 112—133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133>.

Veselkova N. V., Vandyshv M. N., Pryamikova E. V. (2016b) The Discourse of Nature in Young Towns. *Russian Sociological Review*. Vol. 15. No. 1. P. 112—133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133>. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Об основных векторах развития метода интервью // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 44—56. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060046>.

Veselkova N. V., Vandyshv M. N., Pryamikova E. V. (2017) On the Main Developments in the Methodology of Interviewing. *Sociological Studies*. No. 6. P. 44—56. <https://doi.org/10.7868/S0132162517060046>. (In Russ.)

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Пешеходное интервью: структура и жанры // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 4—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>.

Veselkova N. V., Vandyshv M. N., Pryamikova E. V. (2019) “Go-Along” Interview: Its Structure and Genres. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 4—21. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.01>. (In Russ.)

Глушко М. О. “Автобиографический пакт” Филиппа Лежёна и проблема идентификации жанров автобиографии и дневника // Мир языков: ракурс и перспектива. Материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 22 апреля 2013 г. / под отв. ред. Н. Н. Нижнева. Минск: БГУ, 2013. С. 340—343.

Glushko M. O. (2013) “Autobiographical Pact” by Philippe Lejeune and the Problem of Identifying the Genres of Autobiography and Diary. In: Nizhnev N. N. (ed.) *World of Languages: Angle and Perspective. Materials of the IVth International Academic and Practical Conference, Minsk, April 22, 2013*. Minsk: Belarusian State University. P. 340—343. (In Russ.)

Дегтярь В. Антрополог и турист: мобильность образа удэгейцев в этнографическом пространстве // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 157—184. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-2-157-184>.

Degtiar V. (2021) Anthropologist and Tourist: Mobility of the Udehe Image in Ethnographic Space. *Russian Sociological Review*. Vol. 20. No. 2. P. 157—184. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-2-157-184>. (In Russ.)

Запольская А. Б. Метод фотоинтервью в социальных исследованиях: аналитический обзор // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 127—156.

Zapolskaya A. B. (2014) Photointerview in Social Research: Analytical Overview of the Method. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 39. P. 127—157. (In Russ.)

Запольская А. Б. Метод фотоинтервью в исследовании профессионального производства визуального // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3. С. 104—113.

Zapolskaya A. B. (2015) Photo-Elicitation Interview in the Research of Professional Production of the Visual. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 3. P. 104—113. (In Russ.)

Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.

Ilyin V. I. (2006) *Dramaturgy of Qualitative Field Research*. Saint Petersburg: Intersotsis. (In Russ.)

Квале С. Исследовательское интервью / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003. Kvale S. (2003) *InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Лежён Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 199—217.

Lejeune Ph. (2012) From an Autobiography to a Story about Oneself, From a University to an Amateur Association: The Story of a Humanist. *Neprikosnovenny zapas / Emergency Ration*. 2012. No. 3. P. 199—217. (In Russ.)

Малая Е. К. Капсула времени в постсоветском совхозе // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 83—110.

Malaya E. K. (2020) The Time Capsule in the Post-Soviet Sovkhoz. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 47. P. 83—110. (In Russ.)

Методы сбора информации в социологических исследованиях. В 2 кн. / Отв. ред. В. Г. Андреенков, О. М. Маслова. Кн. 1. М.: Наука, 1990.

Andreenkov V. G., Maslova O. M. (eds.) (1990) *Methods of Collecting Information in Sociological Research*. Vol. 1. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Орлова Г. А. Со-авторизация, но не соавторство: приключения транскрипта в цифровую эпоху // Шаги / Steps. 2016. Vol. 2. No. 1. С. 200—223.

Orlova G. A. (2016) Co-Authorization, Not Co-Authorship: The Adventures of Transcript in the Digital Age. *Shagi / Steps*. Vol. 2. No. 1. P. 200—223. (In Russ.)

Оссовский В. Л. Проблема идентификации общественного мнения // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 7—16.

Ossovsky V. L. (1999) The Problem of Identifying Public Opinion. *Sociological Studies*. No. 10. P. 7—16. (In Russ.)

Панченко А. А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // Живая старина. 2001. № 1. С. 7—9.

Panchenko A. A. (2001) Inquisitors as Anthropologists, Anthropologists as Inquisitors. *Living Antiquity / Zhivaia starina*. No. 1. P. 7—9. (In Russ.)

Полухина Е. В., Стрельникова А. В., Ваньке А. В. «Визуальный дневник»: как фотоданные репрезентируют контекст полевого исследования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 96—117. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6>.

Polukhina E. V., Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2020) Visual Diary: How Photos Represent the Context of Field Research. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 1. P. 96—117. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6>. (In Russ.)

Прямикова Е. В. Память в малом городе: опыт исследования полярных кейсов // Меморативные ландшафты малых городов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 61—72. (В печати).

Pryamikova E. V. (2022) Memory in a Small Town: The Cases of Inta and Kotelnich. In: *Memorative Landscapes of Small Towns*. Ekaterinburg: Ural University Press. P. 61—72. (In Print). (In Russ.)

Стрельникова А. В., Ваньке А. В. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. № 13. С. 51—72.

Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2017) Field Research of an Industrial Neighbourhood: The Strategies of Visual Data Collection and Analysis. *Interaction. Interview. Interpretation*. No. 13. P. 51—72. (In Russ.)

Сычёва К. Е. Собиратель и информант: встреча по-новому // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 1. С. 131—141. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-1-131-141>.

Sycheva K. E. (2015) The Researcher and the Informant: Different Meeting (Specific Features of Modern Field Interviews in Altai). *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. No. 1. P. 131—141. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-1-131-141>. (In Russ.)

Форум: Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6—166.

Forum: Ethical Issues in Field Research. (2006) *Forum for Anthropology and Culture*. No. 50. P. 6—166. (In Russ.)

Форум: от поля к тексту // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 11—114. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114>.

Forum: From Fieldwork to Written Text. (2018) *Forum for Anthropology and Culture*. No. 36. P. 11—114. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-36-11-114>. (In Russ.)

Щепанская Т. Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 165—179. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2003_2/Shchepanskaya_2003_2.pdf (дата обращения: 22.08.2022).

Shchepanskaia T. B. (2003) Polevik: The Figure and Activity of an Ethnographer in the Expedition Folklore (Experiments of Autoethnography). *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. VI. No. 2. P. 165—179. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2003_2/Shchepanskaya_2003_2.pdf (accessed: 22.08.2022). (In Russ.)

Bendiner-Viani G. (2005) Walking, Emotion, and Dwelling: Guided Tours in Prospect Heights, Brooklyn. *Space and Culture*. Vol. 8. No. 4. P. 459—471. <https://doi.org/10.1177/1206331205280144>.

Benjamin-Thomas T.E., Corrado A. M., McGrath C., Rudman D. L., Hand C. (2018) Working towards the Promise of Participatory Action Research: Learning from Ageing Research Exemplars. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 17. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1177/1609406918817953>.

Dennis S. F., Gaulocher S., Carpiano R. M., Brown D. (2009) Participatory Photo Mapping (PPM): Exploring an Integrated Method for Health and Place Research with Young People. *Health & Place*. Vol. 15. No. 2. P. 466—473. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2008.08.004>.

Fernández E., Kitching K., Horgan D. (2021) Young Girls' Experiences of 'Good' Food Imperatives in a Working Class School Community: Rethinking Food Desire? *Cambridge Journal of Education*. Vol. 51. No. 5. P. 543—561. <https://doi.org/10.1080/0305764X.2021.1877618>.

Fang M. L., Woolrych R., Sixsmith J., Canham S., Battersby L., Sixsmith A. (2016) Place-Making with Older Persons: Establishing Sense-of-Place through Participatory Community Mapping Workshops. *Social Science & Medicine*. Vol. 168. P. 223—229. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2016.07.007>.

Fink J. (2012) Walking the Neighborhood, Seeing the Small Details of Community Life: Reflections from a Photography Walking Tour. *Critical Social Policy*. Vol. 32. No. 1. P. 31—50. <https://doi.org/10.1177/0261018311425198>.

Habuchi I. (2005) Accelerating Reflexivity. In: Ito M., Matsuda M., Okabe D. (eds.) *Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japanese Life*. Cambridge, MA: MIT Press. P. 165—182.

Harkess Sh., Warren C. A. B. (1993) The Social Relations of Intensive Interviewing: Conditions of Strangeness and Science. *Sociological Methods and Research*. Vol. 21. No. 3. P. 317—339. <https://doi.org/10.1177/0049124193021003002>

Heng T. (2017) *Visual Methods in the Field: Photography for the Social Sciences*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315749594>.

Hjorth L., Pink S. (2014) New Visualities and the Digital Wayfarer: Reconceptualizing Camera Phone Photography and Locative Media. *Mobile Media & Communication*. Vol. 2. No. 1. P. 40—57. <https://doi.org/10.1177/2050157913505257>.

Kahn R. L., Cannell Ch.F. (1959). *The Dynamics of Interviewing. Theory, Technics & Cases*. New York, NY: John Wiley & Sons.

Kolb B. (2008) Involving, Sharing, Analysing — Potential of the Participatory Photo Interview. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 9. No. 3. <https://doi.org/10.17169/fqs-9.3.1155>.

Lejeune Ph. (1973) Le Pacte Autobiographique. *Poétique*. No. 14. P. 137—162.

Miaux S., Drouin L., Morency P., Paquin S., Gauvin L., Jacquemin C. (2010) Making the Narrative Walk-in-Real-Time Methodology Relevant for Public Health Intervention: Towards an Integrative Approach. *Health & Place*. Vol. 16. No. 6. P. 1166—1173. <https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2010.08.002>.

Morris J. (2015) Notes on the “Worthless Dowry” of Soviet Industrial Modernity: Making Working-lass Russia Habitable. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 7. No. 3. P. 25—48.

Pink S. (2013) *Doing Visual Ethnography: Images, Media and Representation in Research*. London: Sage.

Prosser J., Schwartz D. (2005) Photographs within the Sociological Research Process. In: Prosser J. (ed.) *Image-Based Research: A Sourcebook for Qualitative Researchers*. London: Routledge; Falmer Press. P. 101—115.

Teixeira S., Gardner R. (2017) Youth-Led Participatory Photo Mapping to Understand Urban Environments. *Children and Youth Services Review*. Vol. 82. P. 246—253. <https://doi.org/10.1016/j.chilgyouth.2017.09.033>.

Villi M. (2007) Mobile Visual Communication: Photo Messages and Camera Phone Photography. *Nordicom Review*. Vol. 28. No. 1. P. 49—62.

Villi M. (2012) Visual Chitchat: The Use of Camera Phones in Visual Interpersonal Communication. *Interactions: Studies in Communication & Culture*. Vol. 3. No. 1. P. 39—54. https://doi.org/10.1386/iscc.3.1.39_1.

Waity J. F., Crowe S. (2019) The Context of Authority and Sociological Knowledge: An Experiential Learning Project. *Communications in Information Literacy*. Vol. 13. No. 1. P. 61—74. <https://doi.org/10.15760/comminfolit.2019.13.1.5>.